42. БУНТОВЩИКЪ.

Въ одномъ изъ селенiй поселенныхъ войскъ, крестьяне, забывъ Бога и царя, помутились. Какъ и съ чего такая бѣда сталась, долго сказывать, — а только дошло до того, что одна часть осталась вѣрною, и помня присягу, стояла въ строю съ ружьемъ, противу другой части, гдѣ болѣе было пьяныхъ мужиковъ съ дубинами. Толпу это волновалъ рыжiй, огромный мужичина, который метался звѣремъ лютымъ во всѣ стороны, кричалъ и вызывалъ всѣхъ за собой.

Родной племянникъ этого мужика, молодой парень, стоялъ въ строю, въ тѣхъ войскахъ, которые собрались для усмиренiя отступниковъ. Дядя увидалъ его и, вышедъ впередъ, сталъ бранить и поносить всякимъ сквернословiемъ, вызывая перейти на сторону бунтовщиковъ и угрожая закинуть его, какъ паршиваго щенка, въ болото.

Дядя, закричалъ племянникъ, я царю служу, по вѣрѣ, правдѣ и присягѣ: переходи ты къ намъ, такъ я тебѣ опять

буду покорный племянникъ; а нѣтъ, такъ не мечись тутъ, не подходи — убью!

Что? — спросилъ дядя, который, бывало, частенько диралъ племянника за уши, и привыкъ, чтобъ тотъ слушался его безъ слова — что? ты еще смѣешь мнѣ грубить! ахъ, ты щенокъ! подика–сюда! и пошелъ прямо на него съ дубиной.

Дядя! не ходи, убью! — закричалъ племянникъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ приложился и положилъ дядю–разбойника на мѣстѣ. Чей грѣхъ, того и отвѣтъ, сказалъ онъ, перекрестился и зарядилъ ружье.